

IJTIMOYIY-GUMANITAR SOHADA ILMIY-INNOVATSION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNALI

ISSN 3060-5059

VOL.3 № 4

2026

BADIIY ASARLARDA ZONIMLAR POETIKASINING SEMANTIK VA STILISTIK XUSUSIYATLARI (RUS VA UZBEK TILI MISOLIDA)

Pulatova Nargiza Negmatovna

Samarqand davlat pedagogika instituti, o'qituvchi

Annotatsiya

Maqolada rus va o'zbek tillaridagi adabiy asarlardagi zoonimlar poetikasining semantik va stilistik xususiyatlari o'rganiladi. Zoonimning poetik harakatining uch kanalli modeli (semantik to'planish, madaniy-kod faollashuvi va matnli funksionalizatsiya) asosiy natija sifatida taklif qilingan. Zoonimni nominativ birlikdan estetik, baholash va rivoyat yuklamasining tashuvchisiga aylantiradigan narsa aynan shu darajalarning o'zaro ta'siri ekanligi ko'rsatilgan.

Kalit so'zlar: zoonym, poetika, adabiy onomastika, zoomorfik madaniy kod, badiiy matn, konnotatsiya, tarjima, lingvomadaniyatshunoslik.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ ЗООНИМОВ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ)

Пулатова Наргиза Негматовна

Самаркандский государственный педагогический институт, преподаватель

Аннотация

В статье исследуются семантические и стилистические особенности поэтики зоонимов в литературных произведениях на русском и узбекском языках. В качестве основного результата предложена трехканальная модель поэтического движения зоонима (семантическое накопление, активация культурного кода и текстовая функционализация). Показано, что именно взаимодействие этих уровней трансформирует зооним из номинативной единицы в носитель эстетической, оценочной и повествовательной нагрузки.

Ключевые слова: зоонимия, поэтика, литературная ономастика, зооморфный культурный код, литературный текст, коннотация, перевод, лингвистические и культурологические исследования.

SEMANTIC AND STYLISTIC FEATURES OF THE POETICS OF ZOONYMS IN LITERARY WORKS (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN AND UZBEK LANGUAGES)

Pulatova Nargiza Negmatovna

Samarkand State Pedagogical Institute, Teacher

Abstract

The article studies the semantic and stylistic features of the poetics of zoonyms in literary works in Russian and Uzbek languages. A three-channel model of the poetic movement of a zoonym (semantic accumulation, cultural-code activation and textual functionalization) is proposed as the main result. It is shown that it is the interaction of these levels that transforms a zoonym from a nominative unit into a carrier of aesthetic, evaluative and narrative load.

Keywords: zoonym, poetics, literary onomastics, zoomorphic cultural code, literary text, connotation, translation, linguistic and cultural studies.

Современные исследования зоонимов развиваются интенсивно, но неравномерно. С одной стороны, накоплен значительный материал по семантике, коннотации, фразеологии и лингвокультурным различиям; с другой — собственно поэтический механизм функционирования зоонима в художественном тексте ещё не описан как целостная система. В русско- и узбекоязычном исследовательском поле эта фрагментация особенно заметна: одни работы сосредоточены на семантическом диапазоне и образных значениях, другие — на отдельных культурно маркированных образах животных, третьи — на литературной ономастике как особом классе имён собственных [1]. В результате возникает методологический разрыв между описанием значения зоонима и объяснением его художественной функции.

Научный контекст исследования задают несколько устойчивых направлений. Первое связано с семантической и коннотативной природой зоонимов: здесь показано, что названия животных в русском и узбекском языках активно переходят в переносную сферу, участвуют в формировании языковой картины мира и выступают носителями культурно обусловленных оценок.

Второе направление разрабатывает лингвокультурный аспект: отдельные зоонимы раскрываются как символические центры коллективного опыта и национального мироощущения.

Третье направление представлено литературной ономастикой, где зооним трактуется уже не как общее название животного, а как собственное имя, способное концентрировать авторскую интенцию, автобиографизм и языковую личность писателя.

Четвёртое направление изучает перевод зоонимов и тем самым выявляет степень их культурной нагруженности.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Современный обзор литературы показывает, что исследования зоонимов развиваются по нескольким линиям, но чаще всего изолированно. Наиболее разработан семантико-коннотативный сегмент. В исследованиях М.С. Искакова зоонимы в русском и узбекском языках описываются как многофункциональная лексическая группа, сочетающая прямые, переносные, метафорические и культурно обусловленные значения; при этом автор подчёркивает их роль в художественной литературе, разговорной речи и фразеологии [5]. Важна не только фиксация значений, но и тезис о связи зоонимов с языковой картиной мира и межкультурной коммуникацией. Эта линия задаёт необходимый нижний уровень анализа: прежде чем говорить о поэтике, необходимо определить, какой семантический материал вообще доступен тексту.

Сходную, но более детализированную перспективу дают работы О.Ж. Латыпова [8]. В исследовании концепта «лошадь» показано, что зооним функционирует в идиомах, пословицах, поговорках и культурных клише сразу нескольких языков, а вывод автора о преобладании различий над сходствами особенно важен для сопоставительной поэтики: символический потенциал животного формируется не только универсальными признаками денотата, но и спецификой коллективной ментальности. Для русско-узбекского сравнения этот вывод принципиален, поскольку показывает, что даже при совпадении денотативной основы поэтический эффект зоонима в двух литературах не обязан быть одинаковым.

В другой работе О.Ж. Латыпова об образе змеи в русской и узбекской лингвокультурах анализируется уже не общий концепт, а конкретный зооним с выраженной амбивалентной символикой [9]. Автор показывает, что образ змеи одновременно сопряжён с мудростью и негативными семами — опасностью, страхом, подлостью, агрессивностью; при этом в исследовании раскрываются денотативные и коннотативные значения фразеологических и паремиологических единиц и приводятся примеры их функционирования в художественной литературе. Для нашей темы эта работа важна потому, что демонстрирует переход от культурной семантики к литературной

репрезентации: зооним выступает не только знаком коллективного опыта, но и готовым узлом художественной символизации.

Следующий блок исследований связан с образным полем языка. С.Б. Козинец рассматривает метафоры, сравнения и фразеологические единицы как формы актуализации образного потенциала зоонимов и приходит к двум методологически значимым выводам [7]. Во-первых, в подавляющем большинстве случаев зоонимы в образном употреблении характеризуют человека — его внешность, поведение, социальный статус, черты характера. Во-вторых, сравнения обладают более широким образным потенциалом, чем метафоры, поскольку способны актуализировать более разнообразные стороны сопоставляемых объектов. Для поэтики художественного текста это значит, что зооним нельзя рассматривать только как семантическую единицу; он является ещё и механизмом текстовой характеристики.

Однако семантического и лингвокультурного уровня недостаточно, если не уточнён сам термин. На это особенно настойчиво указывает Г.Ф. Ковалёв [6]. Его статья посвящена исправлению распространённой терминологической подмены: в строгом ономастическом смысле зоонимом следует называть собственное имя животного, а не любое нарицательное обозначение. Г. Ковалёв показывает, что в литературоведческих и лингвистических работах зоонимом нередко неправомерно называют слова типа *собака*, *лошадь*, *корова*, тогда как ономастический объект — это *Жучка*, *Буян*, *Зорька* [6, с. 118]. Одновременно автор демонстрирует, что литературные зоонимы отражают авторский автобиографизм, гуманистическую интенцию и языковую личность писателя. Это наблюдение чрезвычайно важно: оно заставляет различать поэтику зоонимической лексики вообще и поэтику собственно литературных зоонимов как имён.

Развитие этой линии видно у О.А. Васильевой, которая рассматривает литературные и телевизионные зоонимы в аспекте теории коннотативных онимов [2]. В центре внимания оказываются признаки коннотативности, вторичная номинация, семантический состав единиц вымышленного зоомикона, их узуальность и окказиональность, а также способность замещать апеллятивную лексику. Для поэтики это означает, что зооним может функционировать как сгущённый знак: он не просто называет животное, а замещает и конденсирует оценку, стереотип, сюжетную роль или тип персонажа.

Собственно литературоведческую перспективу особенно ясно задаёт В.С. Дворяшина в работе о зооморфных образах у Виктории Токаревой [3]. Здесь образы животных прямо включены в психологический и нравственный механизм художественного текста: они работают как элементы внутреннего сюжета, влияют на самооценку героя, организуют нравственный выбор и помогают уточнить художественную картину мира автора. Показательно, что в анализе выделяются и домашние, и дикие животные; особенно значимы кошка и собака как два полюса психологического конфликта. Эта работа переводит вопрос о зоонимах из области словаря в область нарратива.

М. Нумонова показывает, что в корпусе из более чем 130 стихотворений зоонимы выполняют когнитивные, аксиологические и эколингвистические функции [1]. При этом некоторые животные транслируют универсальные признаки: например, собака ассоциируется с верностью, лиса — с хитростью, а другие оказываются культурно маркированными: верблюд значим в узбекской поэзии, медведь — в русской. Для нашей статьи это один из ключевых аргументов: поэтика зоонима определяется одновременно универсальностью животного образа и его локальной культурной спецификой.

Ещё одну важную линию задаёт статья О.М. Холмоёенко и А.И. Туник о зооморфном культурном коде в русской лингвокультуре на материале художественных текстов [12]. Само направление этой работы показательно: зооним рассматривается не как изолированное слово, а как часть культурного кода, то есть системы знаков, через которую

литература воспроизводит и перерабатывает коллективные представления. Отсюда следует, что поэтика зоонимов не сводится к метафоре или символу в узком смысле; она включает механизм культурной узнаваемости, без которого часть художественного смысла просто не считывается.

Наконец, переводческий сегмент представлен работой С.Н. Пономарёвой и А.В. Овчинниковой о межъязыковой передаче зоонимов в переводах рассказов Дж. Хэрриота на русский и испанский языки [10]. Уже из постановки задачи видно, что для авторов значим не только номинативный аспект, но и выбор метода перевода в зависимости от контекста употребления. Этот ракурс принципиален для нашей темы: если перевод зоонима требует специального решения, значит, его художественная функция не исчерпывается обозначением животного и связана с глубинной коннотативной и культурной нагрузкой.

Таким образом, обзор литературы позволяет сделать три промежуточных вывода: во-первых, современная наука достаточно подробно описывает семантику, коннотацию, культурную маркированность и переводческие трудности зоонимов;

во-вторых, существуют отдельные сильные наблюдения о литературной и ономастической функции зоонимов;

в-третьих, именно на стыке этих подходов и образуется научный пробел: не хватает модели, объясняющей, каким образом зооним в русском и узбекском художественном тексте становится поэтической единицей, то есть приобретает характерологическую, оценочную, сюжетную и культурно-кодую нагрузку.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящем исследовании зооним рассматривается в двух режимах. В узком режиме, вслед за литературной ономастикой, под зоонимом понимается собственное имя животного. В широком рабочем режиме, который фактически используется в значительной части современной русской и узбекской филологии, в анализ включается и более широкий круг зоонимической лексики — названия животных, участвующие в метафоризации, символизации, оценке и культурном кодировании текста. Такое двойное определение необходимо, поскольку иначе невозможно совместить строго ономастические наблюдения Г. Ковалёва [6] и О. Васильевой [2] с более широкими семантическими и лингвокультурными исследованиями М. Искакова [5], О. Латыпова [8], С. Козинца [7] и М. Нумоновой [1].

Теоретический механизм исследования строится как трёхканальная модель:

- **семантическая аккумуляция:** зооним накапливает прямые, переносные, оценочные и ассоциативные значения;
- **культурно-кодированная активация:** эти значения закрепляются в устойчивых символических и ментальных связях определённой лингвокультуры;
- **текстовая функционализация:** в художественном произведении зооним начинает выполнять конкретную работу — характеризовать персонажа, организовывать внутренний конфликт, маркировать нравственную позицию, создавать символический фон или усложнять перевод.

Именно последовательность этих каналов позволяет не смешивать уровень словаря, уровень культуры и уровень поэтики.

МЕТОДЫ И ПРОЦЕДУРА АНАЛИЗА

Исследование выполнено как вторичный сравнительно-сопоставительный анализ с элементами качественного кодирования. Единицей анализа служило не отдельное слово из художественного произведения, а исследовательский вывод, извлечённый из каждой статьи: что именно автор рассматривает как главную функцию зоонима и на каком уровне — семантическом, культурном, ономастическом, литературно-поэтическом или переводческом — это делается.

Для унификации анализа были введены пять параметров кодирования:

- тип материала (поэзия, проза, фразеология, паремия, ономастика, перевод);
- уровень анализа (семантика, коннотация, культурный код, литературная функция, перевод);
- тип зоонимической единицы (апеллятив, собственное имя, смешанный случай);
- доминирующая художественная функция (характерологическая, аксиологическая, сюжетная, символическая, переводчески проблемная);
- степень русско-узбекской сопоставимости.

Такое построение позволило эмпирически выделить теоретические каналы и сопоставить их частотность внутри корпуса.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Первый результат касается распределения исследований по аналитическим каналам. Кодирование показало, что современный корпус работ о зоонимах организован не хаотично, а вокруг четырёх устойчивых блоков.

Таблица 1. Распределение корпуса по доминирующему аналитическому каналу

Аналитический канал	Кол. работ	Основные источники	Что именно выявляется
Семантико-коннотативный	4	Искаков; Латыпов (2022, 2023); Козинец	Переносные значения, коннотации, устойчивые ассоциации, образное поле
Лингвокультурный / культурно-кодовый	2	Нумонова; Холومهенко, Туник	Универсальные и культурно-специфические значения, код культуры
Литературно-ономастический	2	Ковалёв; Васильева	Граница между именем собственным и апеллятивом, коннотативный оним
Литературно-функциональный и переводческий	2	Дворяшина; Пономарёва, Овчинникова	Внутренний сюжет, нравственная оценка, трудности передачи в переводе

Как видно из таблицы, в современной науке доминирует семантико-коннотативный подход. Это означает, что поэтика зоонимов чаще выводится из языкового значения, чем из наблюдения за текстом как целым. Между тем литературно-функциональный и ономастический блоки, хотя и менее многочисленны, оказываются методологически более продуктивными для понимания художественного механизма. Именно здесь зооним перестаёт быть только носителем признака и начинает функционировать как элемент композиции, психологического рисунка персонажа или авторской модели мира.

Второй результат связан с тем, как именно современная литература исследований описывает функции зоонимов в художественном тексте. После кодирования были выделены пять повторяющихся функций.

Таблица 2. Повторяющиеся функции зоонимов в художественном тексте

Функция	Содержание функции	Подтверждающие исследования
Характерологическая	Описание внешности, поведения, темперамента, социального профиля персонажа	С. Козинец; В. Дворяшина
Аксиологическая	Выражение моральной оценки, самооценки,	М. Нумонова; В. Дворяшина; О. Латыпов (2023)

	ценностной иерархии	
Культурно-символическая	Включение животного образа в национально-культурный код	М. Нумонова; О. Латыпов (2022, 2023); О. Холомеенко, А. Туник; М. Исаков
Ономастико-конденсирующая	Превращение имени животного в носитель авторской интенции и коннотации	Г. Ковалёв; О. Васильева
Переводчески резистентная	Частичная или затруднённая передача культурной и оценочной нагрузки при переводе	С. Пономарёва, А. Овчинникова; М. Исаков

Третий результат касается русско-узбекского сопоставления. В отобранном корпусе сравнительные русско-узбекские исследования действительно присутствуют, однако они сосредоточены преимущественно вокруг частных концептуальных ядер, а не вокруг широкого литературного корпуса. К таким ядрам относятся «лошадь», «змея», а также детская поэзия как особый жанровый сегмент. Это важно, поскольку показывает текущее состояние научного поля: сравнительная русско-узбекская поэтика зоонимов пока развивается точечно, через ключевые символически нагруженные единицы, а не через системное описание прозы и поэзии как целого.

Четвёртый результат связан с соотношением универсального и культурно специфического. Анализ источников показывает, что часть зоонимов действительно воспроизводит межкультурно узнаваемые качества: собака коррелирует с верностью, лиса — с хитростью, заяц — с трусостью. Однако на уровне художественной поэтики решающим оказывается не сам универсальный признак, а национальная конфигурация его акцентов. Именно поэтому верблюд в узбекском материале получает особую культурную плотность, медведь в русском — повышенную символическую устойчивость, а образ лошади в русской и узбекской традициях сохраняет общий высокий статус, но по-разному распределяет коннотативные акценты.

Пятый результат можно сформулировать как различие между апеллятивной и ономастической траекторией зоонима. В работах семантического и лингвокультурного типа зооним обычно функционирует как нарицательное название животного, переходящее в метафору, сравнение или символ. В литературной ономастике, напротив, на первый план выходит собственное имя животного, которое уже не просто актуализирует общий признак, а концентрирует индивидуализирующую и авторскую функцию. Это различие имеет прямое значение для поэтики: апеллятивный зооним чаще работает как типологический знак, тогда как собственный зооним — как инструмент индивидуализации художественного мира.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Полученные результаты позволяют уточнить исходную гипотезу. Поэтика зоонимов действительно формируется как взаимодействие трёх каналов, однако эти каналы не равны по своей текстовой силе. Семантическая аккумуляция создаёт ресурс, но сама по себе ещё не превращает зооним в поэтическую единицу. На этом уровне мы имеем дело лишь с набором потенциальных признаков: силы, хитрости, верности, опасности, трусости, грубости, благородства и т.д. Именно этот уровень наиболее полно описан в работах М. Исакова [5], О. Латыпова [8], С. Козинца [7].

Культурно-кодовая активация переводит потенциал в коллективно распознаваемый смысл. Здесь значение уже не является чисто словарным: оно связано с фольклорной памятью, бытовой практикой, моральной символикой, национальной средой. В этом отношении особенно показательны наблюдения М. Нумоновой [1] о верблюде в

узбекской поэзии и медведе в русской, а также выводы О. Латыпова [8] и О. Холомеенко [12] о том, что один и тот же животный образ не просто обозначает некий набор признаков, а встраивается в культурный код текста. Иначе говоря, культурный уровень объясняет, почему определённый зооним вообще получает право на устойчивое художественное воспроизводство.

Однако решающим оказывается третий канал — текстовая функционализация. Именно он переводит культурно нагруженную единицу в структуру конкретного произведения. На этом уровне зооним уже не просто символизирует, а действует: характеризует героя, формирует его внутренний конфликт, определяет оценочную перспективу или маркирует авторскую интонацию. В. Дворяшина особенно убедительно показывает, что животные образы в прозе Токаревой организуют внутренний сюжет и нравственную самооценку персонажа [3]. Аналогично строгая литературно-ономастическая перспектива Г. Ковалёва [6] и О. Васильевой [2] показывает, что собственные имена животных способны конденсировать авторский взгляд на мир и встраиваться в систему образов как самостоятельные смысловые центры.

Из этого следует важное методологическое последствие. Если ограничиться семантическим описанием, исследователь получает только «словарь признаков», но не поэтику. Если остановиться на культурном коде, он фиксирует устойчивые символы, но не может объяснить, каким образом эти символы работают в конкретном тексте. Поэтика начинается там, где зооним участвует в распределении художественных функций. Поэтому анализ зоонимов в литературном произведении должен идти не от вопроса «что означает это животное?», а от вопроса «какую работу эта единица выполняет в данном тексте и за счёт каких семантических и культурных ресурсов?».

Русско-узбекский материал особенно ясно подтверждает это требование. Сравнительные исследования показывают, что на уровне общих ассоциаций возможны параллели, однако художественное действие зоонима определяется национальной конфигурацией этих ассоциаций. Там, где русская литературная традиция активизирует медведя, собаку, кошку или лесных животных как части психологического и культурного пейзажа, узбекский материал чаще делает центральными верблюда, лошадь, птиц и другие образы, прочно связанные с иным хозяйственным укладом, иным пространством и иной символической плотностью. В результате поэтика зоонимов в русском и узбекском текстах совпадает по функциям, но не по распределению образных центров.

«Ай, Моська! знать, она сильна,

Что лает на Слона!» (И.А. Крылов. *Слон и Моська*) [13].

В этой строке зооним работает как средство социально-психологической характеристики: образ маленькой собаки превращается в модель демонстративной, компенсаторной агрессии. Здесь животное обозначение уже не номинативно, а типологично: оно формирует человеческий характер через зооморфную проекцию.

«Bir qushcha yig‘laydi bo‘g‘ot tagida» (Ж. Камол)

(пер.: «Птичка плачет под плотиной») [14].

Здесь образ птицы выполняет не описательную, а символично-перцептивную функцию: маленькое существо становится фокусом, через который показано состояние мира и внутреннее переживание субъекта. Такой пример хорошо подтверждает тезис о текстовой функционализации зоонима.

«Покатились глаза собачьи золотыми звездами в снег» [15].

У Е. Есенина зооним включается в лирико-трагическую оптику текста: собака становится не бытовой деталью, а центром сострадательного, этически напряжённого восприятия. Это прямое подтверждение того, что зооним способен не только обозначать, но и переносить в текст сильную ценностную и эмоциональную нагрузку.

«Deydilar it hurar, o‘tadi karvon»

(пер.: «Говорят: собака лает — караван идет») [16].

В этом случае зооним встроен в устойчивый культурный код: образ собаки существует не сам по себе, а в связке с караваном как моделью движения, выносливости и пренебрежения внешним шумом. Это особенно важно для обоснования тезиса о том, что поэтика зоонима определяется не только значением слова, но и его культурной узнаваемостью.

Особое значение имеют переводческие наблюдения. Если зооним действительно проходит путь от значения к культурному коду и далее к художественной функции, то переводчик сталкивается не с простой заменой номинации, а с задачей переноса многоуровневой структуры. Именно поэтому С. Пономарёва и А. Овчинникова [10] ставят вопрос о методах межъязыковой передачи зоонимов, а М. Исаков [5] подчёркивает значение коннотаций и культурно-исторических связей при сопоставлении русского и узбекского материала. С теоретической точки зрения это подтверждает нашу модель: переводческая трудность выступает внешним индикатором внутренней поэтической сложности.

Теоретическая значимость полученных результатов состоит в том, что они позволяют разъединить два часто смешиваемых исследовательских объекта: зооним как собственное имя и зоонимическую лексику как более широкий художественный ресурс. Практическая значимость заключается в том, что предложенная трёхканальная модель применима к анализу поэзии, прозы, детской литературы и перевода. Она особенно полезна для русско-узбекских сопоставительных исследований, где без такой модели легко смешиваются уровень словаря, уровень этнокультурной символики и уровень текстовой организации.

ВЫВОДЫ

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Современная филология накопила значительный материал о зоонимах, однако этот материал структурно неоднороден: семантические, лингвокультурные, литературно-ономастические и переводческие исследования редко интегрируются в единую объяснительную модель.
2. Поэтика зоонимов в литературном произведении формируется как взаимодействие трёх каналов: семантической аккумуляции, культурно-кодовой активации и текстовой функционализации. Только совокупность этих уровней объясняет, почему зооним становится художественно значимым.
3. Русско-узбекский материал подтверждает наличие общих функциональных механизмов — характерологического, аксиологического, символического и переводчески проблемного, — но одновременно обнаруживает различие в системе образных центров и в распределении культурных акцентов.
4. Наиболее перспективным направлением представляется корпусное сопоставительное исследование русской и узбекской поэзии и прозы с отдельным учётом жанра, авторского идиостиля, статуса зоонима (апеллятив / оним), а также переводческой судьбы культурно нагруженных образов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Numonova M. Zoonyms in Children's Poetic Literature: A Cross-Linguistic Ecolinguistic and Axiological Study in English, Uzbek, and Russian // Qo'qon universiteti xabarnomasi. — 2025. — Vol. 16. — P. 171–175. — DOI: 10.54613/ku.v16i.1275.
2. Васильева О. А. Литературные и телевизионные зоонимы в аспекте теории коннотативных онимов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 12 (90), ч. 1. — С. 87–90. — DOI: 10.30853/filnauki.2018-12-1.18.
3. Дворяшина В. С. Зооморфные образы в произведениях Виктории Токаревой // O'zbekistonda xorijiy tillar. — 2020. — № 5 (34). — С. 251–261. — DOI: 10.36078/1612769796.

4. Ибрагимов Б. Н. Поэтика народных символов в литературе Центральной Азии // Вопросы литературы. — 2021. — № 3. — С. 60–70.
5. Искаков М. С. Семантическая классификация и диапазон значений зоонимов в русском и узбекском языках // Models and Methods in Modern Science: International Scientific Online Conference. — 2026. — С. 92–105. — DOI: 10.5281/zenodo.19246013.
6. Ковалев Г. Ф. Зооним как объект изучения литературной ономастики // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2023. — № 2 (49). — С. 113–120. — DOI: 10.36622/AQMPJ.2023.57.68.017.
7. Козинец С. Б. Зоонимы в образном пространстве языка: метафора, сравнение, фразеологизм // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. — 2022. — Т. 22, вып. 3. — С. 254–260. — DOI: 10.18500/1817-7115-2022-22-3-254-260.
8. Латипов О. Ж. Интерпретация концепта «лошадь» в русской, узбекской, английской и немецкой лингвокультурах // O‘zbekistonda xorijiy tillar. — 2022. — № 6 (47). — С. 7–21. — DOI: 10.36078/1674711992.
9. Латипов О. Ж. Интерпретация образа змеи в русской и узбекской лингвокультурах // O‘zbekistonda xorijiy tillar. — 2023. — № 6 (53). — С. 160–171. — DOI: 10.36078/1703969213.
10. Пономарёва С. Н., Овчинников А. В. О межъязыковой передаче зоонимов в переводах рассказов Дж. Хэрриота на русский и испанский языки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. — 2022. — № 2. — С. 106–113. — DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-106-113.
11. Тошева Д. А. Лингвокультурологические особенности пословиц с компонентом-зоонимом: дис. ... PhD по специальности 10.00.11 — Теория языка. Прикладная и компьютерная лингвистика. — Ташкент: Ташкентский государственный университет узбекского языка и литературы.
12. Холومهенко О. М., Туник А. И. Зооморфный культурный код в русской лингвокультуре (на материале художественных текстов) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2023. — № 3. — С. 215–224. — DOI: 10.52452/19931778_2023_3_215.
13. Крылов И. А. Слои и Моська [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kostyor.ru/poetry/krylov/?n=14>
14. Хуршид Д. Кўкси куйик шоир [Электронный ресурс]. — URL: <https://kh-davron.uz/kutubxona/uzbek/jamol-kamol-xurshid-davron-koksi-kuyik-shoir.html>
15. Художественно-изобразительные средства в стихотворении С. Есенина «Песнь о собаке» [Электронный ресурс]. — URL: <https://znaniya.com/task/51782938>
16. Орипов А. Авторская страница [Электронный ресурс]. — URL: <https://ziyouz.uz/ozbek-sheriyati/ozbek-zamonaviy-sheriyati/abdulla-oripov/>